

УДК 101.1:316

Философско-культурологическая концепция классического евразийства: дилемма универсализма и плюрализма

С.Г. ПАВОЧКА

Рассматриваются философско-культурологические основания концепции классического евразийства. Показана неоднозначность следствий, вытекающих из предложенной евразийцами культурологической концепции. Дилемма культурного плюрализма и универсализма привела евразийцев к обоснованию необходимости выделения евразийско-русского культурно-исторического типа, ключевые спецификации которого оказались во многом альтернативными по отношению к западному культурному типу и генерируемой его европоцентристской логикой вестернизации.

Ключевые слова: евразийство, русская философия, культурология, социальная философия, идеология, европоцентризм.

Philosophical and culturological basis of classical Eurasian conception is analyzed. Controversy of proposed by Eurasian culturological conception is shown. Dilemma of cultural pluralism and universalism make possible for Eurasians substantiation of Eurasian-Russian cultural and historical type. Its basic specifications are alternative to western cultural type and generated eurocentric logic of westernization.

Keywords: eurasianism, Russian philosophy, culturology, social philosophy, ideology, eurocentrism.

Как идейное движение евразийство оформилось в русской эмиграции «первой волны» в 1921 г. Его отцами-основателями выступили филолог и культуролог Н.С. Трубецкой, экономист и географ П.Н. Савицкий, богослов и историк церкви Г.В. Флоровский, искусствовед П.П. Сувчинский. В разные периоды существования к евразийству присоединялись и другие значимые фигуры русской интеллигенции, среди которых особо выделяется фигура историка культуры и философа Л.П. Карсавина. Евразийцы заметно выделялись на общем фоне «пореволюционных» идейных движений предельной радикальностью постановки классических тем русской общественной и философской мысли. Предложенные ими концептуализации русской истории и культуры отмечены исключительной оригинальностью. Неординарным является и опыт философско-культурологической рефлексии евразийства, связанный с обоснованием евразийско-русского культурного мира как особой исторической спецификации культуры, обладающей относительно автономной логикой развития и рядом черт, делающих ее отличной от западного исторического пути, якобы воплощающего магистральную тенденцию мирового развития.

На место «монотонной картины линейно-образной всемирной истории» евразийцы поместили ценности своеобразия и уникальности культур. Эти культурные миры, как и у Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, К.Н. Леонтьева, самодостаточны и самоценны, развиваются исходя из внутренне присущей им целесообразности, взаимодействуя между собой. Любой отдельно взятой культуре присущи собственные начала жизни, естественное желание оградить себя от сил воздействия извне, творческий синтез привнесенных в нее инноваций с содержанием собственной традиции. Этим определяются оригинальность и устойчивость культуры, обеспечение преемственности и поступательности ее развития.

Любая культура, указывали евразийцы, всегда должна оставаться «национально ограниченной», но вместе с тем органической сущностью. Представляя собой качественно определенную системную целостность, культура характеризуется внутренней гармонией, определяющей своеобразие путей ее исторического развития. При этом культура всегда означает созидание новых ценностей. Указанный процесс невозможен без опоры на сформировавшиеся ранее ценности и детерминируемые ими поведенческие образцы. Последнее позволяет рассматривать в качестве нормы развития культуры систему сложившихся в ней традиций. Поскольку ценности всегда реализуются в исторически конкретных способах своего вопло-

щения, это означает, что то, что выдвигается в качестве общечеловеческих ценностных начал жизни, в сущности, представляет собой форму осуществления и последующей универсализации ценностей отдельно взятой культуры, в данном случае – западноевропейской. Рассматриваемый в глобальном масштабе, этот процесс однозначно свидетельствует о претензиях романо-германского мира подменить неевропейское европейским, о навязчивом стремлении представить единый мир как скроенный по западной шаблонной схеме.

Европейский космополитизм, оперируя терминами «цивилизация», «цивилизованное человечество», вкладывает в их содержание культуру и цивилизацию романо-германских народов и тех народов, которые приняли культуру Европы. Понятия «человечество», «общечеловеческая цивилизация» несут в себе вполне определенное этнографическое содержание, поэтому европейский космополитизм можно с достаточным основанием назвать общеромано-германским шовинизмом, в основе которого лежит антикультурный и антисоциальный, по существу, принцип эгоцентризма, препятствующий свободному «общезитию» народов. В онтологическом плане эгоцентризм может быть оправдан только силой, он всегда представляет собой идею победителя. Именно поэтому, заключает Н.С. Трубецкой, европейцы и не движутся дальше собственного романо-германского шовинизма. Духовная культура и мирозерцание романо-германцев вытекают из положения о том, что вся бессознательная душевная жизнь и проистекающие из нее предрассудки должны быть верифицированы разумом и логикой. Правосознание европейца изначально противоположно свободному общению людей, а его этика не отрицает решения вопросов грубой силой.

Европоцентрическое сознание рисует картину мирового прогресса, выделяя в нем определенные ступени и стадии. Тем самым оно обнаруживает и свою ненаучность, поскольку в действительности начала и концы эволюционной схемы прогресса не поддаются определению. В основе пирамиды прогресса европоцентристская логика помещает некультурные народы, далее следуют народы малокультурные и культурные (т. е. собственно романо-германцы). С очевидностью в этой схеме проступает момент оценки, делающей возможной классификацию по ступеням совершенства. Ненаучность данной схемы проявляется в ее субъективной направленности как следствии эгоцентрической психологии. Принцип, лежащий в ее основе, необъективен. Историческая практика демонстрирует противоположные выстраиваемой схеме факты: европейцы всегда побеждают дикарей, дикари не воспринимают европейских понятий. Здесь Н.С. Трубецкой развивает идеи, во многом совпадающие с положениями концепции локальных цивилизаций О. Шпенглера. В частности, он говорит о врожденных и благоприобретенных чертах психики. Последние представляют собой такие черты, которые присущи и другой культуре, т. е. те черты, которые связаны с элементами культуры, общими как для представителя определенной культуры, так и для носителя иной культуры. Благоприобретенные черты, основанные на таких сторонах культуры, которые не находят эквивалента в культуре «другого», остаются непонятными, что с очевидностью обнаруживается при столкновении культур. Соотношение врожденных и благоприобретенных черт национального характера всегда представляется с перевесом в сторону первых черт, а сила перевеса прямо пропорциональна силе культуры данного народа. Чем больше культура народа отличается от нашей, тем элементарнее она нам будет казаться. Эта оптическая aberrация, кажущаяся на уровне обыденного сознания вполне естественной, небезобидна и опасна на практике. Элементаризм предвзятой логики европоцентризма не замечает, что большая или меньшая сложность культуры еще ничего не говорит о степени ее совершенства. Эволюционный процесс может быть направлен как в сторону усложнения, так и в сторону упрощения, поэтому степень сложности не является объективным критерием прогресса: «Вместо лестницы, – писал Н.С. Трубецкой, – мы получаем горизонтальную плоскость. Вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства – новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие» [1, с. 80].

Ссылаясь на Г. Тарда, Н.С. Трубецкой указывает на следующие этапы формирования любой культурной ценности: открытие (*invention*), подражание (*imitation*), борьба за первенство новой и старой ценности (*duel*), в результате которой одна из этих ценностей побеждает и вытесняет другую (*logique*). Возникающая ценность культуры, преодолевая последнее обстоятельство, распространяется через механизм подражания на весь социальный организм и таким образом данное культурное открытие (изобретение) трансформируется в факт общественной жизни, становится элементом культуры. На уровне индивидуального сознания столкновение двух или нескольких подражательных волн приводит не к вытеснению ценности, а к их синтезу. Общий запас культурных ценностей, составляющий инвентарь культуры, транслируется посредством традиции, являющейся залогом культурной преемственности и органичного развития культуры. По убеждению Н.С. Трубецкого, Тард недооценил значение наследственности. Наследственный фактор дополняет традицию и позволяет осуществить межпоколенную трансляцию вкусов, предрасположенности и темпераментов создателей культурных ценностей в прошлом, чем, собственно, и детерминирована в конечном счете органичность культурного развития.

Европеизация преимущественно движется сверху вниз, первоначально охватывая социальные верхи – аристократию, городское население; затем она спускается вниз, распространяясь в массах, порождая общую картину «скачущей эволюции». Что принесла европеизация неромано-германским народам? Пороки, вредные для здоровья привычки, особые болезни, приносимые европейскими «культуртрегерами», милитаризм, лишенную эстетики промышленную жизнь. В реальности военная техника европейцев есть следствие милитаризма, а фабричное производство – следствие капитализма. Однако ни то ни другое не вечно. Возникнув исторически, милитаризм и капитализм ограничены во времени. В свое время Петр I заимствовал у немцев военную и мореплавательную технику, но, увлекшись, заимствовал вместе с ней и многое лишнее. «Окно в Европу» должно было быть временным. Взяв из Европы все необходимое, Россия должна была повернуться к ней спиной, развивать собственную культуру свободно, без «рвения на Запад». XVIII в. был для России столетием копирования Европы, подражания ей.

Представленные выше оценки европеизации требуют полного поворота и революции в сознании интеллигенции неромано-германских народов: «Надо, – подытоживал Н.С. Трубецкой, – твердо помнить, что противопоставление славян германцам или туранцев арийцам не дает истинного решения проблемы. И что истинное противопоставление есть лишь одно: романо-германцы – и все другие народы мира, Европа и человечество» [1, с. 100].

Евразийцы, таким образом, обнаруживают достаточно сдержанное отношение к «чужеродным» культурным вкраплениям, ведущим, по их мнению, к разрушению целостности и органичности культуры-реципиента. С этих позиций современная евразийцам Европа описывается как наиболее агрессивное культурное образование, осуществляющее ничем не ограниченную экспансию собственных духовных ценностей. Утверждающий себя в форме «культурного гегемона» романо-германский мир изначально противоположен и враждебен по отношению к самобытным культурам и цивилизациям, сложившимся за рамками европейского региона. Посредством европеизации традиционных обществ их культурные традиции постепенно утрачивают привязку к собственным корням. Тем самым сужается одновременно и сфера возможностей реализации самостоятельного развития. К тому же, как отмечал Н.С. Трубецкой, культурная работа «природного европейца» несоизмерима в своей продуктивности с результатами социального творчества «неевропейца», принимающего западные стандарты и ценности жизни. Это заранее ставит любой европеизируемый народ в неконкурентоспособное и подчиненное по отношению к Европе положение. Вынужденный тратить созидательные силы в различных направлениях деятельности, ориентированной, с одной стороны, на привнесенную извне, а с другой стороны, на созданную ранее собственными силами традицию, «неевропеец» обречен на воспроизводство разнородных традиций, не поддающихся приведению их к внутреннему единству. Трагедия европеизации связывается с внутренней расщепленностью «национального единства» как следствия невозможности органически ассимилировать заимствованное извне.

Внутренняя дифференциация любой культуры неизбежно включает в себя две обязательные части – «верхи» и «низы» культурного здания. Под «низями» Н.С. Трубецкой понимал запас культурных ценностей, обеспечивающий удовлетворение потребностей наиболее широкой массы национального целого («народные массы»). Они сравнительно элементарны, создаются самими массами и не содержат выраженной печати индивидуального творчества. «Верхний» запас ценностей творится господствующими частями национального целого, он соответствует утонченным потребностям и требовательным вкусам. Как следствие этого «верхний» запас сложнее. Нормой культуры является известный обмен, взаимодействие «верхов» и «низов». «Верхний» запас будет являться господствующим в силу «престижа», иницирующего стремление к подражанию, почтению и повиновению. Непостоянство «верхов» может сказаться в эрозии «престижа», и тогда первенство переходит к другой социальной группе или к самим «низам». Формирование новой аристократии сопряжено с выносом на «верхи» культурного здания многих ценностей «нижнего» запаса. Кроме этого движения ценностей внутри национального организма ценности могут быть также заимствованы и извне. Будучи органически претворенными в плоть и кровь культуры-реципиента, они содействуют оптимальному поддержанию баланса «верхов» и «низов». Отсутствие этой равнодействующей силы обнажает зазор между ними, обуславливает внутренний разрыв культуры и нарушение единства нации. Культурные «верхи» в России, по убеждению евразийцев, всегда жили реципированными культурными традициями – византийской, романо-германской. Освоенные «верхами», они проникали и в массы. В особенности это присуще византийской традиции восточного православия, усвоение которой народом привело к преобразованию греческой традиции в Русское Православие. Движение западной культуры вниз было более медленным, а ее воздействие на сознание народа чрезвычайно слабым [1, с. 126–140].

Европеизация как главная причина разрыва между правящим слоем и народом приводит к углублению пропасти между «верхами» и «низями» общества. Этот процесс осуществляется «сверху», затрагивая сначала социальные «верхи», затем он выливается в открытое и быстро растущее противостояние европеизируемой элиты и масс. Вполне очевидно, что следствия европеизации взрывают единство нации изнутри, усиливают социальную и духовную дифференциацию, а сопутствующий ей рост классовой борьбы существенным образом сужает возможности достижения социального согласия. Удел такого общества – хроническое запаздывание, историческое отставание, сопровождающееся постепенным выталкиванием на обочину мирового прогресса. Таким образом складывается комплекс «национальной неполноценности». Его неотъемлемыми составными элементами являются формирующееся презрительное отношение к самобытно-национальному, исчезновение чувства патриотизма, национальной гордости. Приписывая данной тенденции характер «рокового закона», негативные последствия европеизации евразийцы фиксировали в разрезах экономической и политической зависимости, различных типах эксплуатации неевропейского ареала, превращающих его в «этнографический материал», питательную среду развития романо-германского мира. Отсюда следовал вывод, что «неевропейцы», сознательно или вынужденно избравшие европейский путь культурно-цивилизационного развития, Европой не станут, не изменив собственной самобытности, но даже в этом случае не будут приняты ею за «своих».

В России этот процесс шел на протяжении нескольких столетий. Начало ему положили реформы Петра I, осуществившего на практике радикальный поворот России к Европе. Логическое завершение европеизации русского народа евразийцы усматривали в революции 1917 г., приведшей к водворению в России большевизма. На протяжении всего этого времени шло «отпадение» правящего слоя от народа, следствием чего стали распад и внутреннее разложение самой симфонической личности народа. При этом процесс «отъединения» элиты от народа был настолько глубоким, что ассоциировался с разложением самой Русской Исторической Власти, в условиях которого монархическое движение становилось принадлежностью маргинальных слоев русского общества. Подлинная Русская Государственность стала уделом социальных «низов», далеких от государственного инстинкта «народного континента», несущего в себе «стихию государственности». Последняя способна смести внутренне

распадающуюся правящую «верхушку» общества. Однако процесс оформления нового правящего слоя достаточно длителен. Вырождающийся правящий слой должен быть уничтожен национальной государственной стихией, что закладывает возможности для созидания нового правящего слоя. Рассматриваемое «впадение» в революцию названо евразийцами опасной болезнью симфонической личности. Оно может привести как к созданию новой государственности, так и к смерти народа, когда он превращается в простой «этнографический материал». Будучи, однако, явлением неизбежным, революция как факт убедительно демонстрирует несостоятельность попыток реставрации прежнего общественного строя и восстановления прежнего правящего слоя. Революция преодолевается именно через создание нового правящего слоя с присущим ему инстинктом государственности. Революция как болезнь должна вести и к формированию устойчивого иммунитета против революционной болезни в будущем.

В конечном итоге европеизация ведет к утрате национального облика неромано-германского мира, вынужденного подчинять свои этнографические и культурные начала эгоцентрическому диктату внеположенных для него культуры и психологии. В основе пирамиды, среди некультурных народов, эгоцентризм обнаруживал и кочевников, что шло вразрез со взглядами евразийцев, отрицавших «лестницу ступеней совершенства» и пытавшихся реализовать инверсию в описании истории с Востока на Запад.

Противоположность «Востока» и «Запада» стала широко распространенной формулой со времен Геродота и раскрывается она как борьба свободы и деспотизма, прогресса и косности. Более взвешенное рассмотрение данного антагонизма показывает, что у «Запада» имеется свой «Восток», а у «Востока» – собственный «Запад». Между ними существуют не только непримиримые различия, но и общие начала. П.М. Бицилли констатирует наличие постоянного взаимодействия между Востоком и Западом в истории Старого Света. Именно с разрывом этих отношений он связывает негативные тенденции в восточной и западной культурах: Иран – духовно и материально поникает; Китай – застывает в своей религии социальной морали, вырождающейся в обрядность; Индия впадает в религиозно-философский пессимизм в соединении с политическим порабощением; Европа, оторвавшись от этих источников своей культуры, утрачивает связь с центрами возбуждения и обновления ее мысли. Она не просто топчется на месте, но и деградирует в плане высших привнесенных в нее Востоком идей. Тотальное духовное обнищание Европы есть следствие экономического развития. Идеино она хватается за неокатолицизм, теософию, ницшеанство в поисках собственного духовного возрождения, которое возможно через восстановление нарушенного культурного единства Старого Света. Доминантой современности становится культурный синтез, взаимное духовное оплодотворение Востока и Запада. И Россия в этом процессе взаимного культурного движения не столько отделяется, сколько связывается с Азией [2, с. 85–91].

Сама культура и смысл ее существования детерминированы ценностями созидającego ее субъекта. Культура создается свободным субъектом, выступая одновременно и его свободным самопроявлением – частью живым и становящимся, а частью – отделяющимся от субъекта и застывающим в форме традиции, опять же свободно человеком приемлемой, одобряемой и видоизменяемой в соответствии с «духом», целым культуры. В культуре евразийцы различали прошлое (историческую традицию), настоящее и будущее как сферу свободных целей. Культуру евразийцы истолковывали не как случайную совокупность отдельных элементов, а как органическое и специфическое единство, как живой организм. С чисто формальной точки зрения нет самостоятельных культур в том плане, что все новые культуры рождались в существующей среде других культур. Но в сущности своей каждая из них самобытна, возникает и развивается как нечто абсолютно новое и специфическое, что фиксируется евразийцами в понятиях «идея» или «дух» культуры. Русское славянофильство XIX в. было «смутным» осознанием своеобразия русской культуры. Евразийство «углубило» понимание специфичности русской культуры, которая приводит мыслителей к решительному отрицанию сущности западничества именно как отрицания самобытности и существования русской культуры: «Нам стыдно, – писали евразийцы, – за русских людей, которым «приходится» узнавать о существовании русской культуры от немца Шпенглера» [3, с. 41]. Очарова-

нию западного духа в свое время подверглись и славянофилы, что выразилось в растворении последними русско-евразийской культуры в племенном родстве. С евразийской точки зрения более важным в осмыслении русской культурной специфики признаются «туранские элементы», а механистический подход к культуре должен быть восполнен принципом органичности, единства и целостности культуры.

Культура всегда рождается и развивается как определенное органическое целое; «конвергентно» локализуется в политической, хозяйственно-экономической и бытовой формах, выявляется в этническом типе, географических особенностях территории.

В основе наименования евразийской культуры мыслители заложили определенную географическую целостность – единство Европы и Азии как материка – Евразии. Она представляет особый континент, собственно Евразию и два периферийных мира: азиатский (Китай, Индия, Иран) и европейский, граничащий с Евразией по рекам Неман – Западный Буг – Сан – устье Дуная. Эта граница является также и разделительной линией двух колониционных волн: одна из них идет на Восток, другая – на Запад, обе они соприкасаются на берегах Берингова моря. Пространственные границы Евразии совпадают с границами Российской империи, а их естественность подтверждается восстановлением границ в начале XX в., несмотря на масштабные и катастрофические потрясения революций и войн. В континентальном отношении Евразия представляет собой замкнутое типичное целое в климатическом и других географических аспектах. С севера она ограничивается полосой тундр, на юге – горными цепями, в незначительной степени она соприкасается с океаном и выходами к морям. География детерминирует экономические возможности Евразии, завязанные прежде всего на исключении в ее хозяйственной жизни свойственного Европе океанического обмена. Наличие естественных богатств и их распределение по территории Евразии указывают на ее экономическую самодостаточность, замыкая ее в специфический «континент-океан». Единство данного континента коррелирует с этническим типом евразийца, что отчетливо просматривается в истории Евразии. Все реки Евразии текут в меридиональном направлении, непрерывная полоса степей прорезает и объединяет ее с Запада на Восток: «Степная полоса – становой хребет ее истории» [3, с. 42]. Объединителем Евразии могло быть только степное государство, и доминирование этого степного (кочевого) начала в большей степени проявляется в историческом прошлом континента. Естественные условия равнинной Евразии, ставшие фактором распространения русской народности, определили социально-экономические процессы евразийской культуры и присущие ей колониционные движения с преобладанием кочевнической стихии.

Виднейший теоретик евразийства Л.П. Карсавин в аналогичном ключе развивал представления об истинной идеологии. Критерием истинности идеологии, определяемой через органическое единство идей, выступала базовая абсолютно ценная, несомненная идея, лежащая в ее основе и конкретизируемая историческим движением народов. Фиксируемая сознанием и вводимая в сферу его рефлексии, она открывает путь к достижению самости перед каждым коллективным единством посредством центрирования его сознания на своей идее, истинной системе идей – идеологии и проистекающей отсюда необходимости приведения жизни в соответствии с цементирующей ее идеей. Логический мыслительный круг Л.П. Карсавина – от идеи к жизни и от жизни к идее – преодолевался признанием за идеологией жизнеосмысляющей функции, но идеологии, порождаемой самой жизнью, ибо «семя идеи – сама жизнь», а «жизнь есть конкретность идеи» [3, с. 238]. Абсолютность, истинность, ценность как характеризующие основы идеологии понятия, взятые в полноте их онтологического статуса, в своей абсолютно-истинно-ценности обусловлены необусловленным пределом Мироздания. Вводимая Л.П. Карсавиным религиозная идея постулировала незавершенность творения эмпирической личности – ее несовершенство, неполноту, греховность, но в то же время фиксация предсодержащей в себе жизненные стихии конкретной деятельности идеи в свободно действующих субъектах-индивидуациях, раскрывающих многомодальность истинной идеологии, отсылала к необходимости конкретизации понятия «симфонии» – центральной категории евразийской «метафизики всеединства». Симфоничность личности и раскрываемой ею идеологии не отвлеченно универсальна, полнота симфонии достигается в ее предель-

ной конкретности и индивидуализированности, конкретизация становилась смыслом ее развития [3, с. 237]. Гибель «Русской Европы» ведет к возрождению Евразии-России, раскрывающей себя как мировую культуру и новое мирозерцание. Новая эпоха проходит под знаком политики, сменяющей социологию. Политика строится на философском учении о личности – персонологии. Оно проясняет природу и строение субъекта культуры как соборной личности, а природа государственности предстает в нем как форма, определяющая личное бытие этого субъекта и органичность его культуры, смысл духовного и материального творчества культурно-субъекта и его отношение к себе. Культура творится свободным субъектом, представляет собой его свободное самопроявление. Частью оно является живым и становящимся, частью оно отрывается от субъекта и кристаллизуется как традиция, свободно приемлемая, одобряемая и видоизменяемая в соответствии с духом (целым) культуры.

Таким образом, определение культуры через политику, хотя и апеллировало к персонологии, выводящей строение культуры из соборности личности, оперировало понятием культуросозидающего субъекта, все же придавало толкованию культуры оттенок политизированности, прагматизма и утилитаризации не только православия, наделявшего статусом экуменичности для многоконфессиональной и многонациональной России-Евразии, но и основанной на нем культуре, обозначив этим водораздел внутри евразийства, установивший сначала барьер между сферами политики и культуры, а затем разделивший их пропастью, провозглашением формулы «Мироделания, отменяющего Мирозерцание». Тем не менее предчувствие гибели «Русской Европы» и возрождения России-Евразии питалось мирозерцанием культуры, осознавалось через нее, объективировалось в ее терминах. Россия-Евразия виделась как обретающая себя культурно-этническая общность, оспаривающая правду романо-германского мира, открывающая не только ему, но и самой себе новую «общечеловеческую правду». Ценности культуры как смыслонаполняющие и смыслонесущие единицы индивидуального и коллективного существования и есть способ самопроявления свободного субъекта, самоутверждения его в истории, его индивидуализации в разнообразии культурно-исторического пространства.

Литература

1. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – 640 с.
2. Бицилли, П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света / П.М. Бицилли // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов: сб. ст. / Рос. АН. Ин-т всеобщ. Истории ; отв. ред. Л.В. Пономарева. – М.: ИРИ РАН, 1992. – С. 85–91.
3. Евразийство: опыт систематического изложения / П.Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.

Гродненский государственный
аграрный университет

Поступила в редакцию 07.02.2016